

Июль. Пришла пора малой жары. По извилистой горной дороге неторопливо катился экипаж.

Внутри, забившись в самый угол жесткого сиденья и обхватив руками колени, сидел юноша. В душном экипаже было невыносимо жарко, но он упрямо не желал менять позу. Так, сжавшись в комок, он чувствовал себя хоть немного защищенным.

Напротив него, прикрыв глаза в медитации, восседал мужчина средних лет — статный, с ухоженной окладистой бородой, облаченный в черное одеяние под тонкой накидкой из белого флёра. Разомкнув веки и бросив взгляд на скорчившегося юношу, он недовольно нахмурился.

— Прямая осанка — залог внутренней гармонии. Тот, кто ступил на путь бессмертия, обязан возвышаться над бренной суетой и хранить величавое уединение. Не Гэнлань, опусти ноги и сядь как подобает.

Юноша зыркнул на него, точно огрызающийся дикий зверек, но перечить не посмел. Он медленно опустил ноги, сел ровно и принялся разглаживать складки на новеньком, только что купленном для него шелковом халате.

Лишь тогда мужчина удовлетворенно кивнул и вновь погрузился в созерцание.

Юноша приоткрыл занавеску и тоскливо уставился на проплывающие мимо улицы Учэна — до боли знакомые, исхоженные вдоль и поперек.

Еще четыре часа назад его звали вовсе не Не Гэнлань. Его знали как Баосэ — смазливового прислужника из «Зеленого приюта».

Но в полдень на пороге веселого дома появился благообразный господин в развевающихся одеждах. От него веяло благородством и величием истинного заклинателя. Незнакомец объявил, что Баосэ на самом деле — потерянный наследник великого клана Не из самого мира совершенствования. Сам же мужчина назвался его отцом, Не Чжунъюанем.

Узнав, что ее смазливый подопечный, приносивший немалый доход, оказался сыном бессмертного заклинателя, хозяйка заведения едва не лишилась чувств от подобострастия. Перед самым отъездом она утатила юношу в угол и зашептала, крепко сжав его локоть:

— Не забывай, Баосэ, кто тебя вырастил и на ноги поставил. Теперь ты у нас молодой господин заклинатель, господин бессмертный... Смотри же, не оставляй «Зеленый приют» своими милостями в будущем.

Не Гэнлань тогда лишь молча взглянул на нее. На лице женщины, чья молодость давно увяла под слоями белил, играла заискивающая улыбка, но в глазах застыла холодная угроза. Она

напоминала ему, что знает все его грязные тайны.

Когда Не Чжунъюань услышал имя, которым нарекли его сына в борделе, его лицо исказила гримаса брезгливости. Он не снизошел до расспросов, а лишь коротко бросил, что отныне юношу будут звать Не Гэнлань.

«Глубокая ночь, когда иссякли капли водяных часов и догорели свечи...»

Баосэ тогда еще не понимал, какой тайный смысл отец вложил в эти слова. Но в его измученной душе теплилась робкая, почти детская надежда на чудо, навеянная легендами о загадочном мире совершенствования.

«Если я обучусь магии бессмертных... смогу ли я защитить себя? Смогу ли сделать так, чтобы никто больше не смел меня унижать? Чтобы мне никогда, никогда больше не пришлось потакать чужим омерзительным прихотям?»

Дорога вела все дальше в глухие, подступающие к небу горы. Наконец колеса завязли в бездорожье. Экипаж пришлось оставить. Пешком они добрались до невидимой границы, разделяющей два мира, где их уже дожидалась парящая в воздухе духовная лодка. Вместе с обретенным отцом Не Гэнлань взошел на ее борт. Судно взмыло ввысь, унося их через бескрайние моря облаков за тысячи ли от обжитых людьми земель. Бессчетные горные хребты проносились внизу величественной чередой, пока наконец духовная ладья не опустилась перед воротами грандиозного поместья.

Не Гэнлань — бывший Баосэ — смотрел на все это, затаив дыхание. Его разум отказывался верить глазам.

Еще во время полета он то и дело замечал проносящихся мимо заклинателей, летящих верхом на сияющих мечах, и огромные небесные корабли, бороздившие вышину.

Здесь же, во владениях клана Не, небо буквально кишело парящими фигурами и крылатыми челнами.

«Так вот каков он — мир совершенствования? Здесь люди летают на клинках, а тяжелые корабли парят в облаках, словно пушинки!»

Раньше он слышал об этом лишь в полузабытых сказках, что шепотом пересказывали в темных закоулках человеческих городов. Теперь, созерцая это величие воочию, он наконец понял, почему простые смертные готовы отдать жизнь ради одного лишь взгляда на мир совершенствования. Великолепие, неземная легкость бытия и неопишемое торжество духа — ни одно слово не могло передать представшей перед ним картины.

Небесная ладья коснулась земли. Перед юношей выросли парадные ворота — величественные,

покрытые алым лаком, украшенные золотой росписью и массивными медными кольцами в зубах скалящихся чудовищ. Гэнлань уже занес ногу над высоким порогом, намереваясь войти внутрь вслед за отцом, как вдруг дорогу ему преградила рука безликого слуги в серых одеждах.

Юноша растерянно обернулся к Не Чжунъюаню, ища поддержки.

Лицо отца оставалось бесстрастным, словно высеченным из холодного камня.

— Твой путь — через боковые ворота, — безучастно обронил он.

Робкий огонек надежды, только что горевший в глазах Гэнланя, мгновенно угас, уступив место привычному угрюмому спокойствию.

Шагнув за порог боковой калитки, он оказался в бесконечном лабиринте крытых переходов. За резными колоннами высилась огромная защитная ширма из серого камня, покрытая искуснейшим барельефом. На ней были высечены грозные шестиногие божественные звери, чьих имен Гэнлань не знал. Внезапно он испуганно отшатнулся: каменные чудовища медленно шевелились внутри рельефа, лениво переступая лапами, словно готовые в любой миг сорваться со стены и растерзать незваного гостя.

Поместье семьи Не раскинулось по склону горы. Главная усадьба утопала в густой тени вековых деревьев; повсюду вились мощные дорожки, возвышались изящные беседки, павильоны и открытые террасы. Воздух здесь был напоен ароматом диковинных трав, а меж строений клубился полупрозрачный духовный туман. Все дышало покоем, величием и несокрушимой силой древнего клана, по праву считавшегося одним из самых влиятельных в мире совершенствования.

Позади них безмолвными тенями следовали слуги. Пока они шли по извилистой галерее, Не Чжунъюань нарушил молчание:

— Духовная ладья могла бы перенести нас прямо во внутренний двор, миновав защитные барьеры поместья. Однако я счел нужным провести тебя пешком, чтобы ты приучался к здешним порядкам и привыкал к дому.

Гэнлань даже забыл ответить. Он лишь ошеломленно крутил головой, взирая на сказочные сады, раскинувшиеся по обе стороны от галереи.

Неподалеку, прямо на ухоженном газоне, паслось странное существо, похожее одновременно на оленя, быка и лошадь. Этот диковинный зверь с аппетитом уплетал яркие, переливающиеся всеми цветами радуги плоды пламенного обитателя, усыпавшие низкие кустарники. Разумеется, Гэнлань не знал названий ни этого волшебного создания, ни редких ягод.

Заметив провинциальную растерянность сына, Не Чжунъюань едва заметно поморщился, но

промолчал.

Но стоило им приблизиться к широкой мраморной лестнице, ведущей к главному залу, как воздух перед ними со свистом рассек ледяной клинок. Сияющий меч соткался прямо из пустоты и устремился прямо в грудь Гэнланя.

От ужаса у юноши перехватило дыхание, ноги словно налились свинцом и приросли к каменным плитам. Он не мог ни закричать, ни сделать шаг в сторону, заворуженно глядя на приближающуюся смерть.

Вдруг из глубины павильона донесся звонкий детский смех. Не Чжунъюань небрежно взмахнул широким рукавом, и смертоносное лезвие мгновенно растаяло в воздухе, обратившись безобидной изморозью.

— Юньцзинь, Юньфэй, прекратите пакости, — негромко приказал глава клана.

Хоть его слова и звучали как выговор, на губах мужчины играла мягкая, снисходительная улыбка, а в глазах не было и тени гнева.

Из дверей залы выпорхнули двое детей с забавными пучками волос на макушках. Они сидели верхом на широком сияющем мече, который летел в паре цуней от пола, и со смехом устремились к отцу.

— Отец!

Это были семилетние близнецы — мальчик и девочка.

Сердце Гэнланя бешено колотилось в груди, во рту пересохло. Он судорожно прижал ладонь к ребрам, не в силах отвести потемневшего взгляда от того места, где только что растаял ледяной клинок.

Обычно молчаливый и скрытный, он не удержался от хриплого вопроса:

— Что... что это было?

Близнецы дружно прыснули, одарив его презрительными взглядами, какими обычно награждают неотесанных деревенщин.

— Меч обыкновенный, — фыркнул Не Юньфэй. — Что еще это могло быть, глупый?

— Я имею в виду... почему он растаял? — Гэнлань настойчиво нахмурился. — Куда делась

сталь?

Мальчик удивленно вытаращился на него, словно впервые в жизни столкнулся с такой непроходимой глупостью.

На лбу Не Чжунъюаня вновь пролегли глубокие складки.

— Отец, так это и есть тот самый второй брат, про которого говорила матушка? — с любопытством спросила Не Юньцзинь, бесцеремонно разглядывая пришельца с головы до ног.

— Да, отныне он ваш второй брат. Ступайте в залу, мне нужно поговорить с вашей матерью.

Когда подошедший управляющий Ван жестом пригласил Гэнланя следовать за ним, юноша так и не получил ответа на свой вопрос.

Человек, назвавшийся его отцом, больше ни разу не взглянул в его сторону. Подхватив близнецов под руки, он величаво поднялся по ступеням и скрылся за тяжелыми дверями.

Оглянувшись напоследок, Гэнлань успел заметить, как Юньцзинь и Юньфэй скорчили ему издевательские рожицы, высунув языки, после чего весело запрыгали вслед за родителем.

Управляющий отвел юношу в боковой павильон и оставил отдыхать. Гэнлань сидел в одиночестве, безуспешно пытаясь понять, почему отец не пожелал сразу представить его матери и старшему брату. Не успел он прийти к какому-либо выводу, как на пороге появился слуга и почтительно попросил его пройти в главный зал.

В просторном парадном зале его уже ждали. Помимо Не Чжунъюаня и близнецов, на почетных местах восседали еще двое. На главном стуле сидела величественная, безупречно красивая женщина с холодным, спокойным лицом — его мать, госпожа Шэнь Дуаньфэн. Рядом с ней устроился статный, изящный юноша, на вид — ровесник Гэнланя.

— Гэнлань... Я твоя мать.

При виде сына в глазах Шэнь Дуаньфэн на миг промелькнула тень искреннего волнения. Она порывисто поднялась с места, словно собираясь обнять своего давно потерянного ребенка. Однако, не дойдя до него нескольких шагов, женщина резко замерла. Взгляд ее скользнул по его скромной фигуре, и на лицо вновь вернулась вежливая, отстраненная маска. Она мягко улыбнулась:

— Ну как ты, дитя? Каково тебе жилось все эти годы?

Гэнлань, безумно мечтавший о материнской ласке, почувствовал, как внутри что-то

оборвалось. Заметив ее секундное колебание и то, как поспешно она отстранилась, он упрямо стиснул зубы, а его губы сжались в тонкую линию.

Он и представить не мог, что его настоящие родители окажутся столь прекрасными, похожими на сошедших с полотен небожителей, а его братья и сестры — столь благородными и утонченными. На их фоне Гэнлань, выросший среди вечной грязи и фальши публичного дома, почувствовал себя невзрачным комком придорожной пыли. Жалким, нечистым отродьем, которому не место в этом сияющем чертоге.

Шэнь Дуаньфэн ласково посмотрела на сидевшего рядом юношу:

— Юньчжэнь проявил удивительное великодушие, когда узнал, что его младший брат возвращается в семью. Наш мальчик очень вырос и поумнел.

— Юньчжэнь с малых лет отличался острым умом, — согласно кивнул Не Чжунъюань, неторопливо поглаживая ухоженную бороду. — Пусть порой он и выказывает юношеское упрямство, но в нем уже отчетливо видна стать истинного старшего брата.

Повернувшись к приемному сыну, он добавил:

— Юньчжэнь, познакомься. Это твой брат, прибывший из мира смертных. Его зовут Гэнлань.

Шестнадцатилетний Не Юньчжэнь неторопливо, с безупречным изяществом поднялся и подошел к Гэнланю. Он долго и пристально разглядывал своего ровесника, словно оценивая товар на ярмарке, после чего церемонно сложил руки в приветственном жесте.

— Мое имя — Не Юньчжэнь. Приветствую тебя, брат Гэнлань.

Всего час назад, подслушивая у дверей отцовского кабинета, Юньчжэнь узнал страшную правду: он вовсе не родной сын этой благородной четы, а лишь безродный подкидыш, которого когда-то случайно перепутали в колыбели. Настоящий же наследник клана — этот оборванец, которого только что привезли в усадьбу. Поначалу Юньчжэнем овладела дикая, удушающая ярость, он жаждал закатить бурный скандал и разнести поместье в щепки.

Однако последующие слова приемных родителей быстро остудили его пыл.

«... Этот мальчишка вырос в грязном притоне среди смертных. Он никогда не сможет стать лицом нашего клана и занять достойное место в обществе. Будущее семьи по-прежнему ложится на плечи Юньчжэня».

«Грязный притон? Это что-то вроде Терема Изысканного Аромата в нашем Тунъюэ?» — мысленно усмехнулся тогда Юньчжэнь, почувствовав, как волна страха уступает место сладостному презрению.

— Гэнлань, старший брат обращается к тебе. Почему ты молчишь, точно истукан? — строго оборвал его думы Не Чжунъюань.

Гэнлань встряхнул головой, отгоняя тяжелые думы, и встретился взглядом с Юньчжэнем. Глаза того лучились притворным дружелюбием, под которым скрывалась глубокая, ядовитая насмешка.

Гэнлань выдавил из себя сухое, лишенное всякого тепла слово:

— Брат.

Юньчжэнь благосклонно кивнул, а в его взгляде вспыхнул опасный, плотоядный интерес.

«А мальчишка хорош собой. Сразу видно, в каких местах его воспитывали... Истинный цветок из публичного дома».

Родители стояли поодаль и не могли видеть лица Юньчжэня, а потому не заметили хищного, леденящего блеска, на миг промелькнувшего в глазах приемного сына. Зато Гэнлань уловил его отчетливо. Его израненное детство научило его распознавать чужую злобу с первого взгляда.

Госпожа Шэнь, собиравшаяся было расспросить родного сына о его прошлой жизни, уловила перемену в настроении Юньчжэня и тут же сменила тон на деловой и холодный. Повернувшись к Гэнланю, она произнесла:

— Гэнлань, ты должен твердо усвоить: в нашем мире правит сила. Слабым здесь не выжить. Тебе необходимо как можно скорее приложить все усилия, чтобы встать на путь совершенствования и начать тренировки. Помни, что в жилах твоих течет кровь клана Не. Для нашего рода уровень Золотого ядра — это лишь необходимый минимум, чтобы считаться...

— Дуаньфэн, — мягко прервал ее Не Чжунъюань. — Мы еще не проверяли духовные корни Гэнланя и не знаем его предрасположенности. Разговоры о Золотом ядре пока преждевременны.

— Верно, сначала нужно измерить его духовный потенциал, — согласилась госпожа Шэнь.

— Камень испытания духовных сил сейчас у моего младшего брата, Чжуншаня, — пояснил Не Чжунъюань. — Он вернется в поместье через пару дней.

— Да, действительно, — кивнула супруга. — К тому же его дети должны отправиться вместе с Юньчжэнем на отборочные испытания в Школу Духовных Звуков.

— И верные друзья нашего Юньчжэня тоже поедут с ними, — добавил глава клана.

Договорив, супруги перевели взгляд на родного сына. Их глаза выражали странную смесь жалости, неловкости и затаенного стыда. Гэнлань, не знавший законов этого мира, не уловил скрытого смысла их переглядываний.

Не Чжунъюань подозвал управляющего Вана и велел отвести Гэнланя в дальний дворик, отведенный ему для проживания.

Когда юноша уже подходил к выходу, до его слуха долетел тихий, приглушенный разговор родителей:

— Юньчжэнь необычайно одарен, он уже завершил возведение фундамента, так что за его будущее я спокойна. Но вот Гэнлань...

В голове Гэнланя царил полнейший сумбур. Он блуждал взглядом по великолепным садам поместья, не замечая их неземной красоты. Наконец, не выдержав, он тихо спросил шествующего впереди мужчину:

— Дядя Ван... А что значит «возведение фундамента»?

Управляющий Ван удивленно покосился на него.

Этот юноша, несмотря на свою редкую, почти девичью красоту, держался на удивление дико и угрюмо. Ван думал, что приемыш закроется в себе и не проронит ни слова, но тот неожиданно заговорил сам.

— Второй молодой господин, — мягко начал старый слуга. — Это первая ступень на пути к...

Договорить он не успел. Внезапный порыв ветра всколыхнул пятицветные листья на клумбах вдоль галереи. И в то же мгновение из густых зарослей с протяжным свистом вылетела сияющая ледяная стрела, точь-в-точь похожая на ту, что едва не погубила юношу у самого входа. Она целилась прямо ему в горло.

<http://bllate.org/book/20023/1994726>